

Е. А. Дорохова (Москва, Санкт-Петербург)
**Свадебный ритуал в славянских селах Крыма
(к проблеме этнокультурного полилингвизма)**

Е. А. Dorokhova (Moscow, Saint Petersburg)
**Wedding ritual in the Slavic villages of the Crimea
(to the problem of ethno-cultural multilingualism)**

Аннотация

В статье на примере свадебного обряда славянских старожилов Крыма рассматриваются интеграционные процессы, происходившие в традиционной культуре полиэтнического сообщества в XIX–XX вв. Особое внимание уделяется современному состоянию локальных традиций и влиянию на них государственной культурной политики и миграционных процессов последних десятилетий XX в.

Ключевые слова: *традиционная народная музыкальная культура, этнокультурный полилингвизм, самоидентификация, свадебный ритуал, интерференция, свадебные обрядовые песни*

Abstract

In the article on the example of the wedding ceremony of the Slavic old-timers of the Crimea the integration processes that took place in the traditional culture of the multi-ethnic community in the 19th–20th centuries are examined.

Keywords: *traditional folk musical culture, ethno-cultural multilingualism, self-identification, wedding ritual, interference, wedding ritual songs*

Музыкально-фольклорные традиции славянских поселений Крыма относятся к этнокультурным системам позднего формирования; они начали складываться в 80-е гг. XVIII столетия, после провозглашения манифеста Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу»¹. Однако если традиционная культура Кубани уже давно привлекает внимание исследователей и представлена во множестве научных изданий и публикаций

¹ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1880. Т. 27: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел (годы с 1774 по 1788). Ч. 4 / Собраны академиком Я. К. Гротом и напечатаны под наблюдением Г. Ф. Штендмана. LXII.

музыкально-этнографических материалов², то славянский фольклор Крыма по сей день остается практически неизученным³.

Вместе с тем эти традиции представляют значительный интерес для современной науки хотя бы потому, что они изначально складывались как многоязычные, в процессе тесного взаимодействия представителей русского, украинского и белорусского, а отчасти и польского народов, а также живущих по соседству крымских татар, армян, греков, караимов и множества других этнических групп.

Хотя каждое из обследованных сел имеет свою историю и представляет самостоятельную узколокальную версию формирования традиционной культуры, можно отметить и ряд общих факторов, оказавших на них значительное влияние. Прежде всего это масштабные миграционные процессы, связанные с окончанием Крымских войн в 1856 и 1878 гг., с депортацией крымских татар и немецких колонистов в годы Великой Отечественной войны, со вхождением Крыма в состав Украинской ССР в 1954 г. и присоединением к Российской Федерации в 2014 г.

Необходимо отметить различия традиций-источников этих миграций. Если заселение сел, покинутых крымскими татарами в середине XIX в., шло со многих территорий Российской империи (в большинстве своем юга, центра и северо-запада Европейской России, русско-белорусского пограничья, центральной и восточной Украины), то во второй половине 40-х гг. XX в. – преимущественно с русских территорий, пострадавших во время войны: Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской, Тамбовской областей; а в середине 1950-х гг. – исключительно с Украины, из Житомирской, Запорожской, Полтавской, Черниговской, Винницкой, Хмельницкой областей. Иногда миграция была организованной: государством выделялся транспорт, и люди переезжали целыми селами со всем хозяйством; так, например, осуществилось в 1952 г. переселение жителей села Калиновка Дзержинского района Житомирской области (украинцев и поляков) в с. Литвиненково Белогорского района Крымской области⁴. В других случаях это были отдельные семьи или переселенцы-одиночки, в силу различных обстоятельств осевшие в Крыму.

² См.: *Бондарь Н. И.*: 1) Традиционная культура кубанского казачества: Избранные работы. Краснодар, 1999; 2) Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар, 2003; *Жиганова С. А.* Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008; *Жиганова С. А., Багдасарян Н. Е.* Особенности современного состояния музыкально-этнографической традиции Белореченского района Краснодарского края (по мат-лам фольклорно-этнографической экспедиции Краснодарского гос. ин-та культуры) // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 3 (66). С. 53–59 и др.

³ Статья написана по материалам экспедиций 2016–2018 гг. в Бахчисарайский, Белогорский и Симферопольский районы Республики Крым, в которых принимали участие сотрудники ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Государственного центра русского фольклора (ныне – Центра русского фольклора ГРДНТ им. В. Д. Поленова) и Крымского центра этнокультурных исследований Ю. А. Беляев, А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов, С. А. Жадовская, К. В. Чеботарев.

⁴ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ им. В. Д. Поленова, к. Крым-2018, ф. 180423-003. Сведения получены от З. С. Барсук, 1943 г. р., уроженки с. Калиновка Дзержинского р-на Житомирской обл. Украины. Запись 2018 г.

Новые культурные традиции, складывавшиеся в среде мигрантов, испытывали на себе влияние множества факторов различного характера: природно-климатических, хозяйственных, этноконфессиональных и др. Так, например, на интеграционные процессы повлияли новые условия совместного труда, в частности, обработка табака, проходившая в «табачных сараях». Здесь работали целыми семьями, старики рассказывали сказки и истории из своей жизни, взрослые пели песни, молодежь и подростки во время отдыха устраивали игры, танцевали под гармонь и балалайку.

Среди переселенцев были не только православные, но также католики и униаты, живущие по различным календарям; но праздники отмечались совместно, и в результате складывалась новая календарная система, включавшая даты как григорианского, так и юлианского календаря. Многие практики жизненного цикла были адаптированы к местной топографии. Так, обычай купания родителей молодоженов в реке в завершающий день свадебного ритуала в селах Бахчисарайского района оказался связанным с *фонтáлами* – так здесь называют источники⁵: «У нас вот – если послéднево я отдаю замуж, тада́ уже на второй день, када́ свадьба идёть, её купаютъ... Её и отца – со́дють на тачку на какую-нибудь и везуть куда-нибудь на фонтáл. И обливаютъ водой – уж, значить, всё. Процедура такая»⁶; «Булó, булó – матку на фонтáл! Водичка холóдненька бежала...»⁷

Большое влияние на облик новых традиций оказали учреждения культурно-досугового типа – сельские клубы. Клубные работники устраивали общие сельские праздники, собирая этнографический материал путем опроса старожилов; наиболее популярным, как и во многих регионах современной России, оказался Иван Купала. В репертуар клубных коллективов в 1960–1970-е гг. активно включались сценические реконструкции свадебного обряда, благодаря чему дольше сохранялись связанные с ним музыкальные жанры. В многонациональных населенных пунктах, таких как село Широкое Симферопольского района, регулярно устраивались дни национальных культур, программа которых включала блюда национальной кухни, костюмы (преимущественно стилизованные), песни и танцы. При этом знаки-символы национальных сообществ выбирались произвольно и далеко не всегда соответствовали реалиям этнических культур. Таковыми, например, часто становились популярные песни из репертуара известных эстрадных исполнителей, нередко авторского происхождения. Так,

⁵ В расшифровках этнографических репортажей сохранены фонетические особенности местного говора: смягчение конечных согласных, редуцирование отдельных согласных звуков, ненормативные акценты. Замена звука «о» на «а» производится только в том случае, когда аканье достаточно сильно выражено, что бывает далеко не всегда.

⁶ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-006. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Владова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

⁷ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Владова и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Ефросинии Денисовны Яворской (1920 г. р., род. в с. Мангуш).

песня «Косив Ясь конюшину» – считалась символом белорусского фольклора, а «Любо, братцы, любо» – русского. В клубах также создавались песни о родном селе, приобретавшие характер локальных «гимнов».

В таких обстоятельствах важным становится вопрос об этнической самоидентификации местных жителей, которая формируется под воздействием множества факторов, среди которых наиболее существенными являются язык, желание или нежелание принадлежать к титульной нации, историческая память социума и многое другое. В настоящее время в крымских селах все более заметно проявляются интегративные тенденции. При этом жители часто объявляют себя русскими, вне зависимости от того, откуда переселялись в Крым их предки. Очень часто приходится слышать такие утверждения: «Мы по-русски мыслим!» или «Мне ближе русская речь» [с. Широкое Симферопольского района, Валентина Фадеевна Мартынова, 1933 г. р., мать – уроженка Полтавской области]. В других случаях информанты избегают каких-либо дефиниций, подчеркивая только этническую общность своих односельчан: «Мы считаем: те, кто родился в Крыму, они как одна нация» [с. Донское Симферопольского района, Надежда Анатольевна Летунова, 1948 г. р., местная уроженка]. Или: «Сейчас уже всё перемешалось. Все как единая семья» [с. Васильевка Белогорского района, Тамара Яковлевна Нэдэнко, 1953 г. р., переселилась с родителями в 1957 г. из с. Игнатполь Овручского р-на Житомирской обл.]. Иногда подчеркивается смешанное русско-украинское происхождение. Так, родители Людмилы Андреевны Захарьиной (1952 г. р.), участницы хора ветеранов с. Широкое Симферопольского района, переселились в Крым из разных мест: мать из Херсона, а отец – с Брянщины. Сама она говорит о себе: «Я же суржик получаюсь»⁸; поет песни на украинском языке, а разговаривает по-русски. Приходилось наблюдать и такую ситуацию, когда украинские переселенцы подчеркнуто противопоставляли себя местным жителям и разговаривали на украинском языке; обычно так бывает с теми, кто приехал в Крым на рубеже 1990-х и 2000-х гг. и позднее. Важно отметить и то, что, независимо от языка, на котором человек разговаривает, песни он практически всегда поет на диалекте традиции-источника, причем чем дольше звучит песня, тем более явно в ней проступают черты исходного диалекта.

Сегментом традиционной народной культуры славянских старожилов Крыма, в котором интегративные тенденции проявились наиболее отчетливо, стал свадебный ритуал. Вплоть до самых последних лет здесь было принято выходить замуж и, соответственно, жениться на жителях своего села. При этом браки внутри отдельной группы переселенцев были довольно редкими. Это создавало условия для этнокультурной интерференции, в результате которой складывались новые формы свадебного обряда. Необходимо отметить, что свадьба всех традиций-источников, как южнорусских, так и украинских и белорусских, относится к одному типу ритуала, впервые описанному Б. Б. Ефименковой и получившему в ее

⁸ Звукозапись А. Н. Власова и С. А. Жадовской в 2017 г. в с. Широкое Симферопольского р-на Республики Крым.

трудах наименование «свадьба-вяселле» [по белорусскому названию обряда]. Его типологические признаки обозначены в труде «Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение» (1993). Для *свадьбы-вяселле* характерно, в частности, доминирование контактно-коммуникативной линии при фрагментарной представленности эпизодов, воплощающих инициационную линию; параллельность действий, производимых в локусах жениха и невесты; большое количество переходов/переездов из одного локуса в другой и т. д. Акустический код *свадьбы-вяселле* на обширной территории русско-украинско-белорусского пограничья проявляет черты единства. Лишь по совокупности признаков, доминированию каких-то из них можно сделать крайне осторожное предположение о том, к какой этнической традиции принадлежит тот или иной напев: украинской, белорусской или русской. Как правило, различия лежат в области исполнительских приемов, агогики, тембра, а не структурных характеристик напевов.

Таким образом, при формировании местной свадьбы происходило взаимодействие не различных типов ритуала, а версий одного типа, что значительно облегчало и ускоряло процесс этнокультурной интерференции.

Материалы экспедиций 2016–2018 гг. в Бахчисарайский, Белогорский и Симферопольский районы Республики Крым позволяют сделать вывод о том, что в результате интенсивных контактов между представителями трех восточнославянских народов на данной территории сложился общий порядок свадебного ритуала, который, несмотря на небольшие локальные расхождения, отмечен чертами единства. Рассмотрим подробнее его основные этапы⁹.

1. **Сватовство.** Начальный этап многодневного свадебного цикла не имеет каких-либо значительных отличий от нормативного «сценария» традиционной *свадьбы-вяселле*. Все расхождения касаются присутствия (или наоборот, отсутствия) жениха и его родителей в группе сватов. Иногда информанты указывали, что сваты имели особый статус в сельском сообществе, то есть постоянно обслуживали местные свадьбы: «Были сваты фирменные, как распорядители на кладбище»¹⁰; подчеркивалась роль крестных родителей, которые заменяли отца и мать новобрачных не только во время сватовства, но и в других эпизодах ритуала. Сваты приносили с собой хлеб, который невеста должна была разрезать пополам – это служило знаком ее согласия: «Прынасілі хлеб. Круглый. Вот если я согласилась выйти за ево замуж, значить, я должна ётай хлеб разрэзатъ напалалъм. Ровненько штоб разрэзатъ! Если согласна – разрэзала хлеб. И всё, уже засватана»¹¹; «Разрэзajúть хлеб, што аны принесли. Половину я себе беру, половину им отдаю –

⁹ Описание выполнено на основе опросов старожилов Бахчисарайского, Белогорского и Симферопольского р-нов, родившихся в Крыму в 1930–1940-е гг., и относится к состоянию свадебной традиции русских сел Крыма в 1950–1970-е гг.

¹⁰ Звукозапись А. Н. Власова и С. А. Жадовской в 2017 г. в с. Широкое Симферопольского р-на от Валентины Федоровны Мартыновой (1933 г. р., род. в с. Найдёновка того же р-на).

¹¹ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-005. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

значить, согласна»¹². Вплоть до настоящего времени сохраняются, хотя и в сильно редуцированном виде, иносказательные приговоры сватов («Мы слышали, у вас есть тёлочка продажная» или «У вас голубка, у нас – голубок»).

2. **Вечеринка в доме невесты накануне основного дня свадьбы** представляла собой последнее молодежное собрание, в котором принимали участие жених и невеста. Такие вечеринки собирались вплоть до 1970-х гг. «Устраивали, например, раньше вот – у меня, если завтра свадьба, в воскресенье, а в субботу я сабирала маладэжь – ну, вечер такой. Без стола, без ничево – музыка, играли, танцевали...»¹³ «Гатóвитца девчонка. У ней мы сабираемся, етот вечер с ней пращаемся, у ней музыка играет – гармошка играет, именно вот такое. Тагда гармошки были и гитары... Не гитары – балалайки! Гитары патóm пашли...»¹⁴ «Устраивали вечериначку. Сабирáлись падружки. [А жених приходил на эту вечеринку?] Приходил – как без жениха? Это сейчас – девичники, мальчишники – так не было!»¹⁵

В селах, где значительное количество жителей составляли переселенцы с территории русско-белорусского пограничья, предсвадебный вечер проходил по-иному. Здесь сохранилось название «девичник», на котором присутствовали только девушки – подруги невесты, и она плакала «с причитаниями, даже вот как плакальщица»¹⁶. Чаше невесты это делали, «когда сиротки были». В это же время могли петь современные украинские песни, например, «Меня маты породыла», с рефреном «гуляю я».

В с. Прохладное (Мангуш) зафиксирован обычай класть в обувь невесты деньги: «Када я замуж вихадила, мене у туфель сколько-то копеек ложили. Кто-то там – я уже не помню, но свои кто-то ложил. Это – када адевають уже невесту. Перед тэм, как жениху приехать. А для чево – не знаю»¹⁷. Мотивация этого действия забыта; возможно, его следует рассматривать как аналог надления покойника деньгами – обычая, известного на территории западных районов Брянской области (бывшей Черниговской губернии).

¹² ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Ефросинии Денисовны Яворской (1920 г. р., род. в с. Мангуш).

¹³ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-005. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

¹⁴ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-010. Звукозапись Е. А. Дороховой и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Семеновны Гапеевой (1935 г. р., род. в с. Мангуш).

¹⁵ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160713-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Трудолюбовка (Русский Бодрак) Бахчисарайского р-на от Раисы Федоровны Дегтярёвой (1943 г. р., род. в с. Верхоречье этого же р-на).

¹⁶ Звукозапись А. Н. Власова и С. А. Жадовской в 2017 г. в с. Широкое Симферопольского р-на от Валентины Федоровны Мартыновой (1933 г. р., род. в с. Найдёновка того же р-на).

¹⁷ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-006. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

3. **Свадебная обрядовая выпечка.** Повсеместно выпекались караваи, а в большинстве сел еще и *шишки*¹⁸. Информанты подчеркивают связь каравая с эпизодами благословления молодых и одаривания их родственниками и гостями: «Каравай – ка́да́ благаславляють вот эту самую невесту и с женихом. Вот тада́ – каравай, в нём делают дырочку и туда ставят солянку. Это всё – на полотенце и заставляють, штоб ка́жен атла́мывал кусок хлеба. Кто больше атло́мить – значить, тот якобы будет управляющим»¹⁹; «Каравай – это да, это маладым, маладые делят ево, шоб абязáтельна всем было́ по кусочку. Каравай бальше́й, гасте́й мно́га... А вот эти вот ши́шки дают тем, кто... Наливають два стакана – што есть, каждому на шишечке – кто гаварíт тост. Сказал тост для маладых, пада́рыл – если пада́рыл, там, деньги, какой-то подарок, выпил – тебе за это шишку дадут»²⁰; «Каравай пекли, штоб благаславить нас. Ну, например, у мене моя мама пекла каравай. Када́ жених прышо́л за мной, а́на́ благаславила етым караваем. И у ево́ (у жениха. – Е. Д.) дома бул, радители ждали и нас тут благаславили»²¹.

4. **Наименования свадебных чинов.** Независимо от того, какие термины существовали для обозначения основных участников свадебного ритуала в метропольных традициях, на обследованной территории сложились единые номинации: друга жениха называли «дружок», подругу невесты – «дру́жка», главного распорядителя на свадьбе – «тамада» или «дружко́». «Был тамада. Если нету тамады – потому што у селе это не всегда было так – то кто-то близкий, юморно́й, затейщик ётова был»²².

5. **Утро основного дня свадьбы.** В отличие от многих традиций-источников, в культуре некоторых крымских сел, видимо, не было обычая одевать невесту к венцу скрытно, в другом (не родном) доме. Напротив, каждый житель села мог видеть эти сборы: «Невесту собирали просто у доме. Тагда́ двери настезь аткрыты, если есть музыка – музыка играла, если музыки нет – песни поют...»²³ В других случаях невесту наряжали в одном из соседних домов: «Невесту адева́ли. Была такая женщина – веночек, фату адева́ла. Не в сваём домеке, а в сасе́дском.

¹⁸ Большинство уроженцев с. Мангуш утверждало, что у них в селе «в старину» шишки не пекли, а стали это делать только после войны, когда много украинцев приехало.

¹⁹ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-010. Звукозапись Е. А. Дороховой и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Семеновны Гапеевой (1935 г. р., род. в с. Мангуш).

²⁰ Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и С. А. Жадовской в 2018 г. в с. Васильевка Белогорского р-на Республики Крым от Денисовой Тамары Яковлевны (1953 г. р., род. в с. Игнатполь Овручского р-на Житомирской обл., в Васильевке с 1957 г.).

²¹ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-005. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

²² ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-011. Звукозапись Е. А. Дороховой и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Семеновны Гапеевой (1935 г. р., род. в с. Мангуш).

²³ Там же.

У саседей каких-та адевають невесту»²⁴. В это же время невеста определенным образом отмечала всех, кто входил в ее группу персонажей ритуала. Обычно их либо перевязывали рушниками или лентами, либо прикалывали к их одежде искусственный цветок, сделанный из воска или из цветной бумаги: «Перевязывали, да. Ну, например, если я пригласила, там, девчонок, я ленты им перевязывала. Сватам – платки, какие есть у меня. Купляли ж... Ну, там близкие, хрёсный или хрёсная – тоже перевязывали. Была дружка – цветок ей цепляли. Невеста цепляла. Такия васкавiя цветки. Прадавiлися – и жениху, и невесты цепляли»²⁵; «Када свадьба, утром, тада сватам повязывают или рушник, или платок какой-то»²⁶; «Всем эти вот цветочки – и детям даже... Делали из цветной бумаги. Те, которые более близкие, тем васкавiе делали. А те, которые пабеднiя, и детям – ну, просто, каторая тянетца, бумага цветная. Вот с етай бумаги»²⁷. Самые пожилые информанты вспоминали, что именно в это время на невесту надевали белый свадебный головной убор, который в с. Мангуш так и называли – «невеста».

В с. Мазанка Симферопольского р-на утром свадебного дня подружки невесты наряжали *гильцб* – ветку вишни, которую втыкали в каравай, стоявший на столе перед невестой.

Следующие эпизоды ритуала – **выкуп невесты** и **благословление молодых** – не имеют каких-либо ярко выраженных особенностей по сравнению с известными версиями *свадьбы-вяселле*. Р. Ф. Дегтярёва, уроженка с. Верхоречье (Бия-Сала) Бахчисарайского р-на, вспоминала свою свадьбу, состоявшуюся в 1965 г.: «Пришёл жаних с дружкiами. На дверях стояли, просили выкуп – окола дома, аткуда невесту будуть забирать. Што он заплатил там, я не знаю... Тада уже невесту вывoдiють пад рiуку. А где свадьба – там уже столы накрыты...»²⁸

6. **«Сундук»**. На рубеже XX и XXI столетий приданое невесты могли перевозить в дом жениха в любое время, но несколькими десятилетиями ранее это делалось через день после переезда молодых – «на третий день».

7. **Перегораживание дороги**. В прежнее время, когда молодые ехали в церковь к венцу (а в советский период – в сельсовет), им перегораживали дорогу –

²⁴ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160713-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Трудолюбовка (Русский Бодрак) Бахчисарайского р-на от Раисы Федоровны Дегтярёвой (1943 г. р., род. в с. Верхоречье этого же р-на).

²⁵ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-005. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г.р., местной уроженки).

²⁶ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160713-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Трудолюбовка (Русский Бодрак) Бахчисарайского р-на от Раисы Федоровны Дегтярёвой (1943 г. р., род. в с. Верхоречье этого же р-на).

²⁷ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-011. Звукозапись Е. А. Дороховой и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Семеновны Гапеевой (1935 г. р., род. в с. Мангуш).

²⁸ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160713-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Трудолюбовка (Русский Бодрак) Бахчисарайского р-на от Раисы Федоровны Дегтярёвой (1943 г. р., род. в с. Верхоречье этого же р-на).

«перепеняли» или «перестревали». Этот обычай существует и в наши дни. «Када едуть расписыватца, невесту не пускают – перепеняют. Хлеб-соль на табуретачке там... Надо им давать вóтку. Вот ставлють хлебушек, а через хлебушек нельзя уже переехать! Надо хлеб забрать этот и соль, а им, значить, дать бутылку, чи две. Давали хрѣсные – аны былі старшие!»²⁹ «Перегораживали, просили ви́куп. Ну, булку хлеба давали, бутылку водки...»³⁰

8. **Свадебное застолье в доме жениха («гулянка»).** После встречи молодых и благословения их родителями происходило одаривание новобрачных («дары»), во время которого разрезали и делили каравай жениха. В самом конце застолья, перед тем как молодых уводили ночевать в другую хату – «как свадьба кончатца», в полночь или даже позднее – происходила смена прически новобрачной. Этот обычай сохранялся еще в послевоенное время, вплоть до середины 1950-х гг.; информация о нем сохранилась в памяти только самых пожилых информантов.

9. **Заключительный этап свадьбы.** Помимо уже упоминавшегося обычая купать родителей молодой в *фонтале* и посещения новобрачными дома невесты, в рассказах крымских старожиллов содержится крайне скудная информация о действиях, завершающих свадьбу. Складывается впечатление, что во второй половине XX в. они ограничивались застольями, происходившими в домах родителей молодоженов. Даже свидетельства о ряженье в заключительный день ритуала – неотъемлемом компоненте *свадьбы-вяселле* – упоминается очень редко, причем преимущественно в населенных пунктах с большим количеством украинских переселенцев.

Этнографические репортажи, записанные от украинских переселенцев второй половины XX столетия, значительно расширяют информацию о свадебном ритуале. При этом необходимо отметить, что в этих свидетельствах объединены сведения о реальных свадьбах, совершавшихся в довольно короткий период, охватывавший 8–10 лет после переселения информантов в Крым, и только в тех случаях, когда в брак вступали представители одной культурной традиции.

Позднее многие обрядовые действия перестали совершаться и сохранились лишь в памяти переселенцев. В настоящее время они охотно делятся своими воспоминаниями, и эти рассказы, обретающие все более стабильную форму, становятся частью местной фольклорной традиции. Одновременно они являются одним из механизмов формирования образа далекой родины (иногда весьма отличающегося от реальности). Вопрос о том, насколько эта

²⁹ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-006. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Прохладное (Мангуш) Бахчисарайского р-на Республики Крым от Лидии Андреевны Лимаренко (1931 г. р., местной уроженки).

³⁰ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2016, ф. 160712-018. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в пос. Научном Бахчисарайского р-на Республики Крым от Ефросинии Денисовны Яворской (1920 г. р., род. в с. Мангуш).

информация соответствует действительным фактам и к какому периоду она относится, остается без ответа, как и многие другие вопросы, уводящие исследователя в глубины автобиографической памяти носителей культурных традиций.

Село Зуя Белогорского района относится к числу наиболее ранних русских поселений Крыма; в памяти его жителей по сей день сохраняются сведения о первых поселенцах и даже их фамилии³¹. Вместе с тем наряду со старожилами в Зуе проживают переселенцы 1950-х гг. из ряда областей Украины. Достаточно редкий случай представляет переселение практически целого села Калиновка Дзержинского района Житомирской области, о котором уже упоминалось выше. Первоначально его жителям государство предоставило домики в селе Литвиненково, где образовалась новая улица – Житомирская. В течение нескольких последующих лет часть переселенцев переместилась в соседние села. Так, супруги Зоя Сидоровна Барсук (1943 г. р.) и Дмитрий Витальевич Коник (1939 г. р.), тогда еще подростки, в 1952 г. оказались в Зуе, где и проживают по сей день. Они рассказывали, что первоначально их отношения со старожилами складывались непросто, часто происходили столкновения и драки между детьми, бытовые конфликты между взрослыми. Впоследствии совместная работа в табачных сараях, «на розе» (недалеко от Зуи находится комбинат по обработке розовых лепестков и производству масла для парфюмерной промышленности), участие в святочных обходах дворов объединили всех местных жителей; все чаще стали заключаться браки между переселенцами и коренными жителями.

Рассказывая о свадебном обряде родных мест, З. С. Барсук особенно выделяет моменты, связанные с караваем, переменной прически новобрачной и с завершающим этапом ритуала, то есть с теми эпизодами, которые, по ее мнению, недостаточно подробно разработаны в обряде села Зуя: «Сидят за столом (в доме жениха. – Е. Д.) до двенадцати часов ночи. Свадьба кончается уже. Невеста садится на стул, и мама хрёсная снимает фату, а свекровь повязывает платок. А ка́да невесте фату адева́ют, дак хрёсная мама накинёт на галаву́, а там уже дру́жки прикраша́ют. Там и веночек, и фата... <...> А на другой день приходим – варата́ закрыты, адева́емся, переадева́емся, мажемся, красимся – цыга́нь, всё это там! У меня костюмов столько было этих цыганских! Каково-нибудь мужичка невестай адева́им – фату, всё, полностью! У меня были цыганские юбки – с бутылки эти пробки железные, ана́ тарахтит! Идёшь... Ага, давай, прахадí процедуру лечебную – клизьму нада ставить тебе! Кува́ч с кувалдой стоить... Уже ка́да гости сидят – ага, цыгане идут! “У тебе обувь порва́тая!” Падыма́ют ногу, гвоздь забивают. Подаёшь деньги – сабирают для маладых. Беременную невесту делаем – куклу – вот, нагуляла, выгна-

³¹ Подробнее об этом см.: *Дорохова Е. А. Этнокультурный билингвизм в музыкальных традициях русских старожилов Крыма // IV Всероссийский конгресс фольклористов: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов. М., 2019. С. 53–71.*

ли из дому, памагітя!... Курей – дагавариваюцца с сасёдом – кур павыно́сят. Кашу варим – и на третий день, и на четвёртый...»³²

Обрядовая выпечка у житомирских переселенцев не ограничивалась караваем и шишками; изготавливался также особый ритуальный атрибут, связанный с невестой – *дэвень*. В первые годы пребывания на новом месте родственники привозили *дэвень* в Крым из Житомирской области. «Большой каравай был, там с теста разные цветочки вырезали. И шишки пекли. А если для девушки – *дэвень* пекли: высокие такие с камыша палочки. Тесто на камыш наворачивали, пекли... Вставляли (в хлеб. – *Е. Д.*) штоб ані держались... Сколько у нас гостей – целую каробку ані привазила. И каждому – и саседам, и гостям – раздавали этот *дэвень*»³³.

Недалеко от Зуи, в Симферопольском районе расположено старейшее русское село Мазанка. Там также наряду со старожилами проживают переселенцы из Украины. В этнографических репортажах, записанных от уроженки Полтавской области Л. М. Савченко, обращает на себя внимание то, что, отвечая на вопросы о свадебных обычаях ее родных мест, она сразу же переходила на украинский язык. «У нас корова́й из шишо́к лэпят. Много, много шишо́к. По краям грóши лóжат, ўнутрь. Гадают: и вот кому попадэцца с грíшамы – само богато бўдэть. Цэ у жэниха»³⁴.

Рассказывая о свадебном деревце – *гільце*, Л. М. Савченко постоянно противопоставляет действия с ним обычаям, существующим в Мазанке, где также на свадьбе наряжали ветку – *гильцо́*: «...ў ных украшають, а у нас украшають и гостэй запрóшують, нэсут оцэ гільцэ и нэсут наволочку, и там шíшкы. Кого на святу запрóшують, тому шишку дають. А цэй, хто йтымэ на вэсíлля, вин грóшив кыдаэ сюда. И так у кóжнэй хати, кого запрóшують на вэсíлля <...> В Мазанки з вышни, а ў нас – калына, и вона́ наряжена – яблуку, оріхы... Велька вона́ такая. И нóситца, а хоть и стáвытца цэ гíльцэ. А колы вэсíлля закíнчуэцца, всё гíльцэ продають. Всэ продаэцца, и яблуку, и конфэты, пэчиво...»³⁵ В рассказе Савченко упоминается еще один вид свадебной обрядовой выпечки – *сапог*: «И сапог, ў нас ще и сапог пэчэцца на вэсíлля, и пэрэвьязываэцца вин, и сапог продаэцца»³⁶. Однако после переселения в Крым и этот, и многие другие атрибуты свадебного ритуала были утрачены.

Сходная ситуация наблюдается и в свадебном обряде переселенцев из юго-западных областей Украины – Ивано-Франковской, Хмельницкой, Тернопольской, Черновицкой. Небольшое их количество проживает в селах обследованных

³² ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2018, ф. 180423-001. Звукозапись Е. А. Дороховой и К. В. Чеботарева в 2018 г. в с. Зуя Белогорского р-на Республики Крым от Зои Сидоровны Барсук (1943 г. р., род. в с. Калиновка Дзержинского р-на Житомирской обл.).

³³ Там же.

³⁴ Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и А. В. Ефимова в 2016 г. в с. Мазанка Симферопольского р-на Республики Крым от Людмилы Михайловны Савченко (1941 г. р., род. в Полтавской обл.).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

районов Крыма, в частности, в с. Васильевка Белогорского района – одном из старейших славянских поселений Крыма.

Васильевка возникла на землях, жалованных Екатериной II генералу-аншефу Каховскому в 1783 г. Первое массовое переселение крестьян из Псковской губернии (169 чел.) датируется 1853 г. Согласно сохранившимся переписным документам, в 1864 г. Васильевка была обозначена как «русско-татарская деревня» с населением в 258 человек; в 1892 г. в ней проживало уже 563 жителя, причем указывалось, что все они – русские. В 1926 г. количество жителей достигло 700 человек, и только трое из них были записаны как украинцы. В результате переселения 1944 г., санкционированного правительством после выселения крымских татар, в Белогорский район было направлено 6000 человек из Тамбовской и 2100 человек из Курской областей. Сколько из них оказалось в Васильевке, выяснить не удалось, однако важно другое: переселенцы из Украины появились там лишь после 1954 г. За последние 50 лет население Васильевки сократилось в 2 раза, сейчас оно составляет немногим более 1300 человек, большинство из которых считает себя русскими.

Вместе с тем при сельском доме культуры существует украинский культурный центр, осуществляющий активную деятельность. Благодаря этому в селе сложился этнографический коллектив с большим песенным репертуаром. Один из его участников, Б. И. Терновецкий (1952 г. р.), уроженец с. Подвирное Новосельского района Черновицкой области, рассказал, что свадебные обычаи его родных мест заметно отличались от тех, которые сложились в Васильевке к середине XX в. Судя по полученной от него информации, свадебный ритуал черновицких переселенцев содержит элементы, свидетельствующие о карпатских, румынских, западно- и южнославянских культурных влияниях, которые проявляются и в обрядовой терминологии, и в кодах ритуала – акциональном, персонажном, музыкальном³⁷. «Приходят к жениху хлопцы, друзья, собираются – и пошли хлопцы, зовут к жениху на свадьбу. Жених с ними не ходил. А вечером – у субботу вечером хлопцы опять приходят к жениху, договариваются с ним. И вечером идут к *посажённому отцу*. Музыка там есть, хлопцы идут селом, поют, танцуют. У посажённого отца *шили венок на лошадь*. Венок сшили – и назад пришли к жениху. Всё. На следующий день, в воскресенье утром, гости жениха идут от него, невеста от себя. Встречаются где-то в одном месте – и пошли в загс. Пошли, расписались – и по домам. Невеста к себе пошла, жених к себе пошёл домой. Тут гости приходят – там, допустим, их на три, на два часа пригласили, как там свадьба. Гуляют у жениха, гуляют у невесты. Часов в пять вечера – у жениха два главных, у нас называли – *ватажильы*, два дружка главных. Жених садится на лошадь с тем венком, который ему сделали, два дружка на лошадях рядом. И на бричках едут за невестою. Тут начинается уже музыка, у нас – духовой оркестр. Што у товó, што у товó, у невесты и у жениха, обязательно. Кто ково́ переиграет, у ково́ музыка

³⁷ Б. И. Терновецкий вел свой рассказ на русском языке, приближенном к литературному, в его речи почти не чувствовался местный акцент.

громче будет. Ну, там сядут за стол уже... А пока едет жених за невестой, её *переливают*. Кружку воды перелил – ну, обычно детвора – жених должен денежку дать. Это пока он не пришёл. Пришёл жених – чтоб зайти туда за невестой, тоже должен дать выкуп. Потом уже как бы приданое, от невесты должны это приданое... На бричках, там есть ездовые. Погрузили они всё приданое и поехали. Жених забрал невесту, поехали домой к жениху. А в понедельник – это уже *пóправка* называется. Это молодёжь собирается у жениха, там жених и невеста – они уже, как хозяева, они встречают гостей. А взрослые идут к невесте. У нас называют – *пóправка*, а здесь как-то по-другому...»³⁸ Вероятно, яркие черты этой версии свадебного ритуала – доминирование мужчин в обрядовых практиках, действия, связанные с лошадьми, присутствие духовых оркестров, «чужая» терминология, обозначающая даже знакомые действия, – воспринимались жителями Васильевки как чрезмерно экзотические, и по этой причине не были усвоены ими, остались лишь в памяти переселенцев.

Что касается акустического кода свадебного ритуала, то дольше прочих сохраняются музыкально-поэтические тексты, доминировавшие в традициях-источниках (так, в с. Широкое Симферопольского района, где сложилась группа переселенцев из белорусского Поозерья, вплоть до последнего десятилетия XX в. в свадьбе существовали причитания невесты и ее матери).

Принадлежность всех локальных версий обряда, участвовавших в формировании свадьбы славянских сел Крыма, к одному типу ритуала наиболее отчетливо проявляется в его музыкальном коде. В результате анализа структурных параметров основных свадебных напевов в сочетании с их обрядовым контекстом подчас можно выявить неочевидные и малозаметные этнические различия, которые, как правило, проецируются на функции этих напевов в ритуале. Так, линия, связанная с «вертикальным», инициационным переходом невесты, которая была наименее отчетливо выражена в свадебном обряде уже в 1970-е гг., повсеместно связана с напевом, в наибольшей степени вызывающим ассоциации с украинской традицией (Пример 1).

Напевы, выполняющие регламентирующую функцию в ритуале, «комментирующие» его этапы и все производимые действия, ориентированы на южнорусские традиции, сохраняя большое сходство с орловскими и курскими локальными версиями (Пример 2).

Наконец, припевки тирадного строения, воплощающие контактно-коммуникативную линию *свадьбы-вяселле*, в равной степени характерны и для русской, и для украинской, и для белорусской его версий (Примеры 3-а, 3-б, 3-в).

Наблюдается тенденция к выдвиганию на первый план именно этих «общих» напевов. Структурное сходство песенного стиха (в тех случаях, когда в основе припевок лежит силлабический песенный стих со слоговой нормой 6+6 слогов)

³⁸ ФФЭМ ЦРФ ГРДНТ, к. Крым-2018, ф. 180424-006. Звукозапись Е. А. Дороховой, А. Н. Власова и С. А. Жадовской в 2018 г. в с. Васильевка Белогорского р-на Республики Крым от Бориса Ивановича Терновецкого (1952 г. р., род. в с. Подвирное Новосельского р-на Черновицкой обл.).

побуждает местных жителей к попыткам интонировать «прощальные» тексты инициационной линии на напевы припевок, звучащих во время контактов двух родов – жениха и невесты.

Во многих случаях обрядовые напевы местной свадьбы оказываются утраченными и заменяются на песни позднего стилового пласта; механизмы такой приуроченности универсальны, они основаны на содержании поэтических текстов. Так, функцию прощальной свадебной песни у украинцев села Васильевка Белогорского района сейчас выполняет лирическая песня, в тексте которой содержатся мотивы, связанные с расплетанием косы (Пример 4).

Суммируя вышесказанное, отметим ряд тенденций, проявляющихся в смешанных, «полиэтнических» версиях свадебного обряда.

- Степень сохранности форм ритуала и связанных с ними музыкально-фольклорных текстов не одинакова и во многом определяется историческими событиями середины XX в. В Бахчисарайском районе, где и поныне существуют обширные лесные массивы, в годы оккупации Крыма развернулась партизанская война, население подвергалось репрессиям, сжигались села, жителей помещали в концлагеря. В результате свадебная традиция угасла в послевоенные годы, и лишь отдельные ее формы дошли до наших дней в крайне редуцированном виде. Судьба традиций сел Симферопольского и Белогорского районов оказалась более благополучной.

- Акциональный, предметный, персонажный коды ритуала во всех случаях сохраняют близость к украинским традициям. В наибольшей степени это относится к свадебной обрядовой выпечке, свадебному деревцу, ряженью и действиям карнавального характера в заключительный день свадьбы. Немаловажным оказывается и то, что украинские и белорусские версии демонстрируют большее сходство с практиками календарного цикла и придают местной обрядовой культуре черты целостности и монолитности.

- Наиболее подробные, детально разработанные версии ритуала отмечаются в сёлах, где переселение было минимальным (например, в старейшем селе Мазанка Симферопольского района, где русское население преобладает, начиная с 80-х гг. XVIII столетия). Чем более пестрым по этническим характеристикам является состав жителей, чем большее количество традиций-источников участвовало в формировании локальной этнокультурной системы, тем более усредненный характер она имеет. В ней остаются лишь компоненты, общие для всех этнических составляющих, а все наиболее характерные и специфические стираются.

- Обрядовая терминология воспринимается как яркий знак традиции-источника и долго хранится в памяти информантов как символ их связи с обычаями предков.

- Быстрее всего уходят из активной практики, а также стираются в памяти носителей культуры эпизоды свадебного обряда, воплощающие его инициационную

линию («вертикальный» переход молодоженов в новую социовозрастную группу). Этот процесс наблюдается не только в славянских селах Крыма, но и практически повсеместно на русской этнической территории. В связи с этим можно сделать вывод о коренной трансформации базовых смыслов свадебного ритуала во второй половине XX в., в результате которой его основным содержанием стало общественное санкционирование и оформление территориального перехода невесты в новую семью, а также линии контактов двух родов.

В последние годы в связи с активной деятельностью культурно-досуговых учреждений по сохранению нематериального культурного наследия и «брендированию» территорий происходит внедрение многих забытых ритуальных практик в быт усилиями сотрудников сельских Домов культуры. В поисках новой информации, которая отличала бы их село от прочих, они часто обращаются к переселенцам и записывают от них подробности различных праздничных и обрядовых действий для последующего использования в сценариях массовых сельских культурных акций и в клубных постановках. Таким образом, некоторые обрядовые действия, в том числе и свадебные, не вошедшие в традицию, вводятся в нее «сверху», искусственным путем.

Итак, экспедиционные звукозаписи, сделанные в 2016–2018 гг. в селах Республики Крым от потомков русских, украинских и белорусских переселенцев, позволяют поэтапно проследить те изменения, которые происходят в традиции по мере адаптации ее к внешним условиям, связанным с государственной национальной политикой, осуществлявшейся в течение XX – первых десятилетий XXI столетия. Волны переселенцев из различных регионов России, Украины и Белоруссии приносили в Крым свои локальные версии ритуалов жизненного цикла. При их совмещении актуальными оказывались общие компоненты, наличие которых обеспечивается типологической общностью источников. В результате наиболее специфичные детали ритуалов отбрасывались, но некоторое время еще существовали в памяти носителей традиций. На этом этапе возникало глубинное противоречие между информацией, воспринимаемой носителями как значимая для их этнокультурной идентификации, и невозможностью ее актуализации и трансмиссии. Информанты стремятся сохранить свое знание любым доступным способом, и данная ситуация оказывается весьма продуктивной для различных форм саморефлексии традиционной народной культуры, а также обеспечивает успех экспедиционной работы в регионе.

Дальнейшее исследование музыкально-фольклорных традиций славянского населения Крыма, по-видимому, должно быть направлено на поиск типологически близких этнокультурных систем и осуществление сравнительного анализа с ними. Так, даже при первичном рассмотрении локальных традиций славянских старожилов Крыма обнаруживается их большое сходство с музыкальным фольклором черноморских казаков Кубани. Оно определяется общностью исторического периода формирования культуры, стратегий заселения территорий и круга

традиций-источников, что позволяет говорить о принадлежности музыкально-фольклорных традиций славянского населения Крыма и Кубани к одному типу этнокультурных систем.

Литература

Багана Ж. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм. М., 2010.

Блягоз З. У. Двужычие: сущность явления, формы его существования. Интерференция и ее разновидности. Майкоп, 2006.

Величко Т. В. Русская свадьба в Крыму // Живая старина. 2004. № 2. С. 32–35.

Головка Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге: Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 298–316.

Дорохова Е. А. Этнокультурный билингвизм в музыкальных традициях русских старожилов Крыма // IV Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. науч. ст.: в 3 т. Т. 1: Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов. М., 2019. С. 53–71.

Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: Введение в проблематику. М., 2008.

Жиганова С. А. Традиционная музыкальная культура славянского населения Кубани в контексте типологического изучения региональных песенных систем // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 1. Краснодар, 2006. С. 159–168.

Жиганова С. А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

Килесса В. Г. Дивный край старины глубокой: Историко-краеведческий очерк о городе Белогорске и его окрестностях. Симферополь, 2012.

Нотные примеры
Пример 1

$\text{♩} = 128-104$

Ку - да, до - ню, са - би - ра - е - сся,
ку - да, до - ню, са - би - ра - е - сся,
та - к(ы) бе - ле - нька у - мы - ва - е - сся.

Пели родственницы и подружки невесты, когда одевали ее к венцу у нее дома, до приезда жениха. Республика Крым, Симферопольский р-н, с. Мазанка. Исп. Н. Г. Ерохина (1935), А. Я. Гирина (1939), Л. Г. Зиновьева (1945). Соб. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов, 17.06.2016. Нот. Е. А. Дороховой.

Пример 2

$\text{♩} = 96$

Ви - ха - ди - ла Кла - ва - чка са два - ра
да сла - ма - ла ви - ше... - нку с - пад ве - рха.
Жи - ви, жи - ви, ма - ма - чка, бе - з(ы) ме - ня,
ра - сти, ра - сти, ви - ше - нка, без ве - рха.

Е. А. Дорохова

Пели родственницы невесты, когда она уезжала из родного дома. Республика Крым, Бахчисарайский р-н, с. Прохладное (Мангуш). Исп. Л. А. Лимаренко (1931). Соб. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов. Нот. Е. А. Дороховой.

Пример 3-а

$\text{♩} = 68$

Мы у - сю да - ли - ну вы - ха - ди - ли,
мы у - сю ка - ли - ну вы - ла - ма - ли,
то - лька Та - не - чке ги - льцо сви - ли.

Пели подруги невесты, когда шли «ломать гильцб». Республика Крым, Симферопольский р-н, с. Мазанка. Исп. Н. Г. Ерохина (1935), А. Я. Гирина (1939), Л. Г. Зиновьева (1945). Соб. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов, 17.06.2016. Нот. Е. А. Дороховой.

Пример 3-б

$\text{♩} = 76$

На - ша печь га - го - четь,
на - ша печь га - го - четь,
ка - ра - ва - я про - сить,
у - стья ра - здви - га - ю - ца,
ка - ра - ва - я да - жи - да - ю - ца,
у - стья ра - здви - га - ю - ца,
ка - ра - ва - я да - жи - да... У!

Поют родственницы невесты, когда «каравай в печь садят». «Каравай пекут днём, после обеда. Если в субботу свадьба, то в пятницу после обеда пекут шишки, каравай. А вечером сабираёца вечеринка – сабираюца падрўжки, друзья, музыка, танцы. У невесты дома». Республика Крым, Симферопольский р-н, с. Мазанка. Исп. Н. Г. Ерохина (1935), А. Я. Гирин (1939), Л. Г. Зиновьева (1945). Соб. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов, 17.06.2016. Нот. Е. А. Дороховой.

Е. А. Дорохова

Пример 3-в

$\text{♩} = 68$

Музыкальный пример 3-в, автор Е. А. Дорохова. Темп $\text{♩} = 68$. Музыкальная запись включает вокальную линию и фортепиано-сопровождение. Текст песни: Па - па - ли на де - ла, па - па - ли на де - ла, аж те - ла за - ки - пе - ла, вы на Бо - га гля - н(и) - те, на - м га - ре - ла - чку да - й - те, вы на Бо - га гля - нте, нам га - ре - ла - чку да - й - те.

«Испекли каравай, и свахи начинают петь». Республика Крым, Симферопольский р-н, с. Мазанка. Исполнители: Н. Г. Ерохина (1935), А. Я. Гирина (1939), Л. Г. Зиновьева (1945). Собрание: А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, А. В. Ефимов, 17.06.2016. Ноты: Е. А. Дороховой.

Пример 4

$\text{♩} = 112$

Го - ри - ла со - сна, па - ла - ла, па - ла - ла,
го - ри - ла со - сна, па - ла - ла, пид нэй ди - вчи - на сто - я - ла,
пид нэй ди - вчи - на сто - я - ла.
Го - ри - ла со - сна, па - ла - ла, пид нэй ди - вчи - на сто - я - ла,
пид нэй ди - вчи - на сто - я - ла.

Пели подруги невесты у нее дома, когда одевали ее к венцу. Республика Крым, Белогорский р-н, с. Васильевка. Исп. Т. Я. Денисова (Нэдэнко) (1953, Украина, Житомирская обл, с. Игнатполь), Н. И. Здоровых (1964, Республика Крым, Нижегородский р-н), В. С. Ситников (1949, Украина, Винницкая обл., Чечельницкий р-н, с. Белый Камень). Соб. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, С. А. Жадовская, К. В. Чеботарёв, 24.04.2018. Нот. Е. А. Дороховой.